

Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 3. С. 9–18
North Caucasus Legal Vestnik. 2022;(3):9–18

Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья

УДК 34.01

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-3-9-18

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА КАК ТВОРЧЕСКИЙ СИНТЕЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Дамир Юсуфович Шапсугов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, shapsugov@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются сложившиеся в научной литературе подходы к исследованию правовой культуры, проблема субъектности в процессе познания ее сущности, необходимость и недостаточность сложившегося формально-логического, рассудочного понимания правовой культуры; обосновывается значение идеи Г. Гегеля об истине о праве; идеи И. Канта о единстве разума, имеющего различия лишь в его применении; идеи К. Маркса о главном недостатке старого материализма; идеи Б. Н. Чичерина о недопустимости превращения абстрактных понятий в субъекты исторического процесса для правильного понимания правовой культуры. Правовая культура народов Кавказа рассматривается как процесс становления свободной ответственной личности труженика-творца, создателя материальной культуры, воина-профессионала, ее защитника и мудрости старшего как выразителя духовно-нравственных оснований, составляющих гуманитарное ядро Кавказской цивилизации, понимаемой как творческий синтез, осуществленный народами Кавказа во взаимодействии с мировыми цивилизациями.

Ключевые слова: правовая культура, цивилизация, Кавказская цивилизация, свободная ответственная личность как субъект правовой культуры, действительная правовая культура, видимость правовой культуры

Для цитирования: Шапсугов Д. Ю. Правовая культура народов Кавказа как творческий синтез взаимодействия цивилизаций // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 3. С. 9–18. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-3-9-18>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

LEGAL CULTURE OF NATIONS OF THE CAUCASUS AS A CREATIVE SYNTHESIS OF THE INTERACTION OF CIVILIZATIONS

Damir Yu. Shapsugov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, shapsugov@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the approaches to the study of legal culture that have developed in the scientific literature, the problem of subjectivity in the process of knowing its essence, the necessity and insufficiency of the existing formal-logical, rational understanding of legal culture, the significance of Hegel's idea of the truth about law is substantiated; I. Kant's ideas about the unity of reason, which differs only in its application; the ideas of K. Marx about the main short-

coming of the old materialism; ideas of B.N. Chicherin about the inadmissibility of turning abstract concepts into subjects of the historical process for a correct understanding of legal culture. The legal culture of the peoples of the Caucasus is considered as a process of becoming a free, responsible personality of a worker-creator, creator of material culture, a professional warrior, defender of its wisdom of the elder as an exponent of the spiritual and moral foundations that make up the humanitarian core of the Caucasian civilization, understood as a creative synthesis carried out by the peoples of the Caucasus in interaction with world civilizations.

Keywords: legal culture, civilization, Caucasian civilization, free responsible personality as a subject of legal culture, actual legal culture, visibility of legal culture

For citation: Shapsugov D. Yu. Legal culture of nations of the Caucasus as a creative synthesis of the interaction of civilizations. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(3):9–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-9-18>

*Звездное небо над головой народов Кавказа,
создавших и сохранивших адекватный ему
нравственный закон внутри человека,
как свою свободу – нетленные основания
Кавказской Цивилизации.*

*Дамир Шапсугов
(подражание И. Канту)*

Трудности исследования правовой культуры и цивилизации во многом связаны с тем, что они относятся к предельно широким понятиям, в которых отражаются все сферы жизни общества. Если применительно к цивилизации такая широкая трактовка объема и содержания этого понятия не вызывает сомнений, то распространение ее на правовую культуру может вызвать серьезные возражения. Эти возражения могут быть вызваны тем недоразумением, которое связано с обособлением права и правовой культуры в некий обособленный сектор цивилизаций, развивающийся по своим обособленным законам вне зависимости от других сфер жизнедеятельности общества. Такое обособленное видение права и правовой культуры есть выражение видимого, а не действительного мира человека, в котором право и правовая культура занимают место, которое можно определить как гуманитарное ядро всякой цивилизации, видимыми и невидимыми нитями схватывающее всю цивилизацию, обеспечивая определенную направленность ее развития.

Проблема, подлежащая исследованию в данной статье, это характер, сущность правовой культуры и цивилизации народов Кавказа: являются ли они простой аккультурацией, то есть простым заимствованием, переносом других культур и цивилизаций на Кавказ, или они исключительно самобытны и никак не связаны и независимы от других цивилизаций, других народов, или они – творческий синтез взаимодействий цивилизаций, осуществленный народами Кавказа как субъектами исторического развития, – в этом случае – в чем заключается этот синтез?

Правовая культура и цивилизация народов Кавказа – не единовременный акт, а постоянно развивающийся процесс разумного познания человеком самого себя и своего места в развивающемся окружающем мире и основанного на нем разумного действия во имя сохранения и обеспечения их (человека и среды) гармоничного соразвития.

До сих пор, как представляется, в нашем сознании господствует разработанное Ф. Энгельсом представление о цивилизации как царстве частной собственности, которому предшествуют дикость и варварство. С этой точки зрения, цивилизация должна быть устранена в ходе строительства коммунизма. Это представление о цивилизации не оправдало себя, хотя на понимание Кавказской цивилизации оно наложило свой негативный отпечаток.

Согласно другому – цивилизация есть следствие постоянной борьбы разума с инстинктом, в которой разум побеждает, но никогда не одерживает окончательной победы. Эта борьба характеризуется как противоречие варварства и цивилизации, которое также важно принимать во внимание [1].

Правовая культура народов Кавказа формировалась народами Кавказа как гуманитарное ядро Кавказской цивилизации во взаимодействии с другими мировыми цивилизациями [2–6]. Об этом убедительно свидетельствуют, в частности, многочисленные археологические и лингвистические исследования генезиса языков народов современного мира, в том числе и юридической терминологии, в процессе взаимодействия языков народов Кавказа, представляющие различные цивилизации, оставившие свой след в мировой истории и истории народов Кавказа.

По мнению известного современного ученого проф. С. А. Арутюнова, примерно 8 тыс. лет назад существовал протоязык кавказских народов, в свою очередь, восходивший к сино-кавказскому протоязыку, что подчеркивает существование общей истории развития языков народов современного мира. Особый интерес представляет в этой связи становление юридической терминологии в процессе развития языков народов Кавказа.

Так, проф. Л. Э. Гумашвили, проанализировав терминологию нахов, выделил юридическую терминологию, имеющую национальную основу своего формирования, имеющую персидскую языковую основу формирования, арабскую языковую основу, османскую и турецкую языковую основу, латинскую и славянскую, романо-германскую основу своего формирования [7].

Исследователи адыгского языка убедительно обосновывают его происхождение от хаттского языка [8]. Исследователи ингушского языка обосновывают существенные черты сходства его с языками народов России, Германии, Скандинавии, Англии [9].

Широко известно, что далекие предки современных народов Кавказа были включены в протогосударственные политико-правовые образования Ближнего Востока, Передней и Малой Азии, Закавказья, Черноморского и Каспийского побережий, полиэтнические образования Урарту, включавшие более 50 этнических общностей, Кавказская Албания и др.

Идея о творческом синтезе, осуществляемом духом во всемирной истории, высказана вполне определенно Г. Гегелем, который еще в XIX в. подчеркивал: «Только в Кавказской расе дух приходит к абсолютному единству с самим собой, только здесь дух вступает в полную противоположность с условиями природного существования, постигая себя в своей абсолютной самостоятельности, вырываясь из постоянного колебания туда и сюда, от одной крайности к другой, достигает самоопределения, саморазвития и тем самым осуществляет всемирную историю ...Прогресс осуществляется только благодаря кавказской расе» [10].

Неслучайно Г. Гегель в своей философии права сделал гениальный вывод, до сих пор не только не усвоенный последующими поколениями ученых, но и не упоминаемый даже в научной литературе. Вывод этот сформулирован кратко как результат глубокого философско-правового анализа феномена права: в праве должен человек найти разум. Однако в юриспруденции не сложилась привычка искать разум в праве. Она предпочитает искать его в пользе, интересе, удовольствиях, а затем в абстрактно понимаемых ценностях, вместе выражающих позитивистский строй мышления и жизнедеятельности. Поскольку последний занял почти все поле деятельности рассудка, оставив почти незатронутым поле разума, можно попытаться поразмышлять над точкой зрения Г. Гегеля.

Понимание правой культуры характеризуется в российской юридической литературе чрезвычайным разбросом мнений, свидетельствующем о том, что оно еще не достигло концептуальности оформления [11–12]. Более того, можно сказать, что учитывая рассудочный характер позитивистского мышления, лежащий в его основе, оно обречено только порождать все новые и новые рассудочные определения, не способные выразить правовую культуру на ее сущностном, понятийном уровне. Это связано с тем, что почти все высказанные в научной литературе точки зрения представляют собой постулирование определенного ряда признаков юридических явлений, либо различные сочетания юридических явлений,

которые объявляются правовой культурой. Такого рода исследования сопоставимы с анатомическим подходом к исследованию человеческого организма, когда изучаются все его органы, но лишённые жизни. В случае с правовой культурой ситуация оказывается еще более худшей, ибо предмет исследования здесь не дан в готовом виде, а произвольно определяется исследователем в рассудочном определении, а затем рассматривается как уже существующий.

Так, по мнению В.П. Сальникова, одного из первых исследователей этого феномена, правовая культура есть «Совокупность всех позитивных компонентов правовой деятельности в ее реально функционировании, воплотивших достижения правовой мысли, юридической техники и практики» [13]. В одной из фундаментальных монографий по этой проблеме В. Н. Карташова ее структура представляет собой совокупность права, юридической практики, правосознания [11].

Можно отметить определение рассматриваемого понятия академиком РАН В. С. Нерсесянцем как «Культура признания, защиты и осуществления прав и свобод человека и гражданина в качестве высших ценностей» [14]. Этот характерный для начала 90-х годов XX и XXI вв. подход все же содержит ряд недостатков. В нем собственно нет самого понятия культуры, которая определяется через саму себя, рассматривается как безсубъектная, ее содержание ограничено правами и свободами индивида как выражение только одной их разновидностей.

Такое формулирование индивидуальных прав и свобод по сравнению с древностью, (коллективная свобода) это прогресс, а по сравнению с будущим, и даже настоящим – это уже отставание, ибо они отражают только второй этап развития свободы: от коллективной свободы древних к индивидуальным правам и свободам, получившим отражение в естественно-правовых учениях и реализованных в результате буржуазных революций. Универсальная свобода по принципу «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» этими подходами не достигается.

Универсальная свобода как выражение правовой культуры развитого общества предполагает не просто провозглашение одной разновидности прав и свобод человека (в данном случае индивида), но формулирование, закрепление и осуществление всех их разновидностей: права и свободы социальных слоев общества, гражданского общества в целом, этнических групп, наций и народностей, местных обществ, которые были бы гармонично связаны и гомеостазисно соединены в целостную динамичную систему, позволяющую строить разумную жизнедеятельность во имя блага всех. Кроме того, эта система вбирает в себя разумные правовые ограничения, обязанности и запреты, без которых свобода человека может перестать быть свободой, выродившись в произвол.

Если раньше о возможности такой универсальной свободы можно было бы говорить только гипотетически в основном из-за отсутствия необходимой для этого информационно-технологической базы, а также, возможно, связанного с ней невысокого уровня развития правосознания граждан, то интенсивнейшая разработка проблем цифровизации, искусственного интеллекта, могущая взять на себя огромный объем рутинной, отупляющей, но необходимой работы, выполнявшейся сегодня огромным количеством людей, существенно меняет положение вещей.

Разумеется, здесь еще важнее чем раньше разумный подход к решению проблем развития человека, требующий не только сохранения, но и развития духовно-нравственных основ человеческой жизни. Тем не менее, ряд авторов предприняли попытку выйти из этого порочного круга, обосновав правовую культуру как воплощение Духа народа, как бытие его правосознания [15].

Становление правовой культуры России подробно прослежено проф. И. А. Исаевым через развитие и кодификацию законодательства как развитие юридических учреждений и институтов. В такое понимание становления правовой культуры, к сожалению, не вписываются представляющие особый интерес идеи Митрополита Киевского Иллариона о несовместимости закона и благодати, предпочтительности Благодати, не ставшей

основой развития правовой культуры России. Такой основой стал Закон как инструмент государственного управления. С этого момента правовая культура в России перестает существовать как имеющая связь со становлением свободы человека. В теоретической юриспруденции происходит отождествление права и закона, переводящее правовую культуру в систему отношений принудительного государственного регулирования отношений в обществе. Субъектом так понимаемой правовой культуры становится государство. Действительный субъект правовой культуры – свободный ответственный человек окончательно перестает существовать в действительном правовом пространстве. Вместо него формируется провластная личность – ревностный исполнитель так называемой государственной воли. И эта позиция переносится на другие народы, попадающие в орбиту империи, в результате чего и эти народы лишаются возможности развивать свою правовую культуру [16], создается юридическое, политическое, экономическое пространство полной несвободы, следовательно, полного произвола, не совместимого с правовой культурой.

Таким образом, история правовой культуры в России, с точки зрения рассмотрения в ней идеи свободы как воплощения истины о праве, прошла этапы «свободы» (произвола) самодержца, полусвободы представительных учреждений; свободный, ответственный гражданин так и не стал субъектом правовой культуры. В те краткие периоды истории когда он мог им стать, он оказывался неготовым к свободе, поскольку не был подготовлен к ней предшествующим развитием страны.

Поскольку подробный анализ состояния исследований правовой культуры дан в названных работах, по нашему мнению, нет необходимости его повторять. Как нам представляется, объяснение сохранившейся ситуации, понимание правовой культуры очень подробно дал еще в XIX веке Г. Гегель применительно к понятию истины о праве. «Истина о праве, нравственности, государстве столь же стара, сколь открыто дана в публичных законах, публичной морали, религии и общеизвестна. В чем же еще нуждается эта истина, поскольку мыслящий дух не удовлетворяется обладанием его таким доступным для него образом, если не в том, чтобы ее постигли и чтобы самому по себе разумному содержанию была придана разумная форма, дабы оно явилось оправданным для свободного мышления, которое не может остановиться на данном, независимом от того, основано ли оно на внешнем положительном авторитете государства, на общем согласии людей, на авторитете внутреннего чувства или сердца и непосредственно определяющем свидетельстве духа»¹.

В первой части приведенной цитаты, как видим, прямо подчеркивается, что истина о праве стара, дана, общеизвестна. При этом подробно перечисляются источники такой информации, что вполне относится к современному состоянию понимания правовой культуры.

Что же еще нужно, спрашивает Г. Гегель, познанию, если есть старое, данное, общеизвестное представление о праве, и отвечает: необходимо постичь разумное содержание и облечь его в разумную форму (понятия, выражающего сущность права). Именно это остается неисследованным тогда по отношению к праву, а сегодня – по отношению к правовой культуре. Если коротко, здесь Гегель фиксирует остановку познания права на этапе рассудка, не переходящего к разуму, непосредственное объявление рассудочных определений юридических явлений разумным понятиям о сущности права.

Для характеристики современных представлений о правовой культуре, как представляется, очень важное значение имеет положение К. Маркса, высказанное им в «Тезисах о Фейербахе» в отношении главного недостатка всего старого материализма, который действительность, чувственность берет только как объект или в форме созерцания, т.е. абстрактно, не как действительную чувственную деятельность, не субъективно [18].

В этом случае весь исторический процесс не может быть представлен как действительная чувственная деятельность конкретных людей. Поэтому субъектами исторического

¹ [17, с. 46]. Следует отметить, что, как это будет обосновано ниже, именно истина о праве, которая познается исследованием, должна быть основанием правовой культуры, как практической сферы реализации истины о праве.

процесса оказываются не действительно действующие, конкретные люди, а отчужденные от них силы, выразителями которых выступают абстрактные понятия. Более конкретно один из главных аспектов рассматриваемой проблемы выразил Б. Н. Чичерин в полемике с В. С. Соловьевым о праве, нравственности и их соотношении, который состоял в том, что нельзя бесконечно насиловать формальную логику [19], объявляя создаваемые на ее основе понятия о Добре и Зле субъектами исторического процесса.

Резюмируя изложенное, можно отметить, что рассудочные, по преимуществу формально-логические определения правовой культуры, нельзя превращать в субъектов исторического процесса не только потому, что это не соответствует требованиям исследовательской культуры, но и потому, что они, будучи сугубо рассудочно-абстрактными, отрицают действительную субъектность действительных индивидов, действительно творящих человеческую историю, но образуют видимый мир предметов, лишенных сущности.

Опасность, проистекающая из таких определений правовой культуры, заключается в том, что этими, казалось бы ясными, доступными определениями, обездушивается сама правовая культура, формируемая и осуществляемая конкретными живыми действующими индивидами, их сообществами.

Подобные идеи уже высказывались в российской юридической литературе И. А. Покровским по проблеме абстрактного и конкретного субъекта права [20]. Приняв активное участие в дискуссии ученых, связанной с реформой гражданского права в России, он выступил с идеей закрепления конкретных живых людей в качестве субъектов права, а не абстрактной, среднестатистической личности, которая не может быть живым творцом правового развития как раз в связи с ее обезличенностью, понимаемой как ее обездушенность.

Из изложенного вытекает фундаментальный вопрос о субъектности правовой культуры: имеют ли к этому отношение конкретные живые люди, их деятельность, ее содержание, формы, сущность? Составляют ли эти вопросы предмет исследования правовой культуры, или можно ограничиться абстрактным утверждением о том, что она сама – правовая культура – является субъектом исторического процесса и в качестве такового имеет свою структуру, функции и все другие атрибуты субъекта исторического процесса?

Необходимо отметить, что в исследованиях правовой культуры игнорируется поиск истины о праве как основании для понимания правовой культуры. Вместо этого, как правило, произвольно объединяются под этим понятием явления и понятия юридической действительности в их различных комбинациях: правовая норма, правоотношения, законность, правосознание, право, юридическая техника, юридическая практика и т.п., при этом подспудно эти подходы опираются на позитивистское понимание права, охватывающее мир его видимостей.

Еще И. Кант высказал мысль о том, что разум, в каком бы виде он не выступал (чистый или практический), един, различия имеют место при его применении. Задача теоретического разума состоит в познании истины (в данном случае права), а задача практического разума реализовать эту практическую истину, а не частное мнение или произвол исследователя, законодателя в практическую жизнь людей, сделать ее действительной и в бытии в качестве правовой культуры.

Поскольку реализация истины в действительность требует перехода от фундаментальной истины о праве к практической жизни людей, оказывается необходимым опосредованное знание, позволяющее такой переход. Такое знание может дать теория среднего уровня, в нашем случае – теория государства и права, разрабатывающая понятия, применение которых конкретизирует содержание истины о праве применительно к особым условиям ее применения.

Таким образом, правовая культура представляет собой сферу публичного осуществления истины о праве, являющейся выражением разумной свободы человека, которая должна получать надлежащее закрепление и обеспечение в действиях публичной власти, обеспечивающей поступательное развитие свободного(гражданского) общества.

В видимом мире юридических и политических явлений, лишенных сущности, мы наблюдаем осуществление видимости права в различных его позитивистских истолкованиях, называемых обобщенно-рассудочно тоже правовой культурой. В этом проявляется коренное отличие правовой культуры как реализации истины о праве как разумной свободы человека, становление которой в соответствии с этимологией слова «культура» есть возвращение, возделывание свободной личности, способной обеспечить прогрессивно-стабильное развитие личности и образуемых ее сообществ, от видимости правовой культуры, создаваемой на основе понимания права как регулятора общественных отношений, призванного обеспечивать воспроизводство урегулированных отношений, находящееся в зависимости от произвола субъектов публичной власти, которой необходима личность исполнителя ее велений. Это приводит к забвению духовно-нравственных оснований и гуманистических ценностей в общественном развитии общества.

Такой подход к пониманию правовой культуры позволяет понять содержание творческого синтеза правовой культуры, осуществленного народами Кавказа в процессе создания ими собственной цивилизации во взаимодействии с другими мировыми цивилизациями. В этом трудном взаимодействии оттачивались и реализовались ее основные ценности: свобода и независимость, гармоничное соразвитие человека с природной средой, свойства базового субъекта правовой культуры, опиравшейся на творческое отношение к жизни, развитие форм жизнедеятельности, пронизанное идеей свободы, которая впоследствии в качестве свободы мысли была признана фундаментальной основой поиска научной истины в любой отрасли человеческого познания [21].

Рассмотрение правовой культуры как гуманитарного ядра цивилизации и самой правовой культуры как осуществления истины о праве в практической жизни людей дает ответ на вопрос о сформировавшейся в процессе ее исторического развития базовой личности Кавказской цивилизации и ее основных свойствах.

Воспитывая свободную, ответственную личность, создавая возможности для ее объединения в необходимые человечеству свободные сообщества, и создавая для этого все необходимые внешние предпосылки и условия, мы создаем правовую культуру не как обособленную часть социальной организации, а как органично вплетенное в цивилизацию ее гуманитарное ядро. Народам Кавказа, с учетом исторически существовавших ограничений, удавалось поддерживать способ жизнедеятельности, способный решать такую задачу.

Одним из главных проявлений гармоничности и гомеостазисности формирования и функционирования такой правовой культуры, условием ее существования являлась сформированная в условиях такого развития свободная и ответственная личность, символом которой стали труженик-творец, создатель материальной культуры, воин-профессионал как ее защитник, мудрость старших как выражение разумной способности воспринимать окружающий мир в его возможностях и действовать в соответствии с ним. Понятно, что далеко не каждый индивид соответствовал этим символам, и речь идет о базовой личности Кавказской цивилизации, вбирающей в себя типичные свойства личности данной цивилизации, порожденной ее правовой культурой.

Широко известные великие достижения в материальной культуре, социальной организации и духовно-нравственном развитии народов Кавказа стали возможными в процессе формирования адекватной им правовой культуры, ставшей организующим ядром их жизнедеятельности.

Одним из исторических документов, проливающих свет на соперничество английской, османской и Российской империй, представлявших различные мировые цивилизации, определяющих статус и цивилизационные особенности черкесского народа, является «Декларация черкесской независимости», опубликованная в «Портфолио» (Лондон). Т. 1. №4 за 1896 г.¹

¹ Анализ данного исторического документа см. в работе К. Ф. Дзамихова [22].

На любой народ Кавказа можно распространить вывод Э. Спенсера, сделанный им после близкого знакомства с Черкесией и черкесами. «Можем ли мы не восхищаться степенью цивилизации, которой достиг этот изолированный народ и все, без каких-либо писанных законов, без каких-либо других регуляторов, кроме традиций их предков и песен их бардов» [23].

Как отмечает профессор Б. Х. Бгажноков, «Такое состояние общественных отношений поддерживалось благодаря генетическим связям с цивилизацией древних хаттов, аккумулярованного в адыгском морально-правовом кодексе адыгэ хабзе и в адыгской этике – адыгагъэ» [24].

Свободная ответственная личность и сообщества, в которые она объединяется, идут по первому пути, создавая действительную правовую культуру и действуя в соответствии с ее принципами.

Второй путь – в видимость правовой культуры, которая утверждает несвободную личность, способную исполнять любые требования отчужденной от нее власти. Человечество идет обоими путями, часто не утруждая себя установлением различий, существующих между ними.

На самом деле выбор пути происходит постоянно и чаще всего в пользу инстинкта, а не цивилизации, разума.

Воспитывая свободную, ответственную личность, создавая возможности для ее объединения в необходимые человечеству свободные сообщества и создавая для этого все необходимые внешние предпосылки и условия, мы создаем правовую культуру не как обособленную часть социальной организации, а как органично вплетенное в цивилизацию ее гуманитарное ядро. Народам Кавказа, с учетом исторически существовавших ограничений, удавалось поддерживать способ жизнедеятельности, способный решать такую задачу.

Список источников

1. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., 2010.
2. Бабич И.П. Правовая культура адыгов. М., 1999.
3. Манкиева Х.М. Генезис правовой культуры народов Северного Кавказа. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2006.
4. Дмитриев В.А. Дольмены Северо-Западного Кавказа – археологическая культура и цивилизационная форма // Право Кавказской цивилизации. Научно-исследовательский проект. Выпуск 2. Истоки Кавказской цивилизации. Ростов-на Дону: Альтаир, 2016. С. 430-472.
5. Гаджиев М. С. Дербент – памятник мировой истории и культуры // Вестник Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 1 (41). С. 5–20.
6. Патракова В.Ф., Черноус В.В. История человечества и русская цивилизация. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1995. 90 с.
7. Гумашвили Л. Э. К вопросу о состоянии исследования государственности нахов / Право Кавказской цивилизации: истоки, особенности, мировое значение. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Нальчик – Ростов-на-Дону, 2005. С. 106-126.
8. Пхитиков Х. М., Шомахова Т. М. Лингво-исторические истоки абхазо-адыгской языковой семьи / Истоки Кавказской цивилизации. Ростов-на-Дону, 2016.
9. Яндиев М. А. Древние общественно-политические институты народов Северного Кавказа. М., 2007.
10. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Том 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471с.
11. Карташов В. Н., Баумова М. Г. Правовая культура: понятие, структура, функции. Ярославль, 2008. 200 с.
12. Балаклеец И.И., Соколов А.Н. Правовая культура: генезис, сущность, состояние, проблемы и перспективы развития: монография. Калининград: Изд-во Калининградского ЮИ МВД России, 2012. 196 с.
13. Сальников В. П. Социалистическая правовая культура. Методологические проблемы. Саратов, 1989.

14. Нерсисянц В. С. Общая теория государства и права. М., 1999.
15. Байниязов Р. С. Понятие правовой культуры как реализация правосознания // Правовая культура. 2011. 1(10). С. 8–12.
16. Исаев И. А. Правовая культура России: учебное пособие. М.: Проспект, 2015. 96 с.
17. Гегель Г. Философия права; пер. Б.Г. Столпнер. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 292 с.
18. Маркс К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 3. Ст. 1-4.
19. Чичерин Б. Н. О началах этики // Вопросы философии и психологии. 1897. № 4.
20. Покровский И. А. Абстрактный и конкретный субъект гражданского права // Вестник гражданского права. 1913. № 4.
21. Павлов И. П. Лекции об уме вообще, русском уме в частности // Вестник практической психологии образования. 2009. №2, 3.
22. Дзамихов К. Ф. «Декларация черкесской независимости»: к реконструкции событийной основы. К постановке проблемы / Право Кавказской цивилизации: истоки, особенности, мировое значение (к 150-летию окончания Кавказской войны). Ростов н/Д.: ООО «Альтаир», 2015. С. 47–73.
23. Спенсер Э. Путешествие в Черкесию. Майкоп, 1994.
24. Бгажноков Б. Х. Адыгская цивилизация: понятие, истоки, основные компоненты / Право Кавказской цивилизации. Вып. 1. Ростов-на-Дону – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2014. С. 75–206.

References

1. Motroshilova N. V. *Civilization and barbarism in the era of global crises*. Moscow; 2010. (In Russ.)
2. Babich I. P. *Legal culture of the Adyghs*. Moscow; 1999. (In Russ.)
3. Mankieva H. M. *Genesis of the legal culture of the peoples of the North Caucasus*. dis.... cand. filos. sciences. Rostov-on-Don, 2006. (In Russ.)
4. Dmitriev V.A. Dolmen of the North-West Caucasus – archaeological culture and civilizational form. In: *Law of Caucasian civilization. Research project. Issue 2. Origins of Caucasian civilization*. Rostov-on-Don: Altair; 2016. P. 430-472. (In Russ.)
5. Hajiyev M. S. Derbent – a monument of world history and culture. *Vestnik Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii = Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2015;1(41):5-20. (In Russ.)
6. Patrakova V. F., Chernous V. V. *History of mankind and Russian civilization*. Rostov-on-Don; 1995. 90 p. (In Russ.)
7. Gumashvili L. E. To the question of the state of the study of the statehood of the Nakhovs. In: *Law of the Caucasian civilization: the origins, features, world significance. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference*. Nalchik - Rostov-on-Don; 2005. P. 106-126. (In Russ.)
8. Phitikov H. M., Shomakhova T. M. Lingvo-historical origins of the Abkhaz-Adyghe language family. In: *Origins of the Caucasian civilization*. Rostov-on-Don; 2016. (In Russ.)
9. Yandiev M. A. *Ancient socio-political institutions of the peoples of the North Caucasus*. Moscow; 2007. (In Russ.)
10. Gegel G.V.F. *Encyclopedia of Philosophical Sciences*. Volume 3. Philosophy of the spirit. Moscow; 1977. 471 p. (In Russ.)
11. Kartashov V. N., Baumova M. G. *Legal culture: concept, structure, functions*. Yaroslavl; 2008. 200 p. (In Russ.)
12. Balakleets I. I., Sokolov A. N. *Legal culture: genesis, essence, state, problems and prospects of development*: monograph. Kaliningrad: Publishing House of the Kaliningrad Yul of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. 196 p. (In Russ.)
13. Salnikov V.P. *Socialist legal culture*. Methodological issues. Saratov; 1989. (In Russ.)
14. Nersesyants V. S. *General theory of state and law*. Moscow; 1999. (In Russ.)
15. Bainiyazov R. S. The concept of legal culture as the implementation of legal consciousness. *Pravovaya kul'tura = Legal culture*. 2011;1(10):8-12. (In Russ.)
16. Isaev I. A. *Legal culture of Russia: a textbook*. Moscow: Prospect; 2015. 96 p. (In Russ.)

17. Hegel G. *Philosophy of law*; Transl. by B.G. Stolpner. Moscow: Publishing House of Jurite; 2019. 292 p. (In Russ.)
18. Marx K. Feuerbach Theses. In: *K. Marx, F. Engels. Op. T. 3. Art. 1-4.* (In Russ.)
19. Chicherin B.N. On the principles of ethics. *Voprosy filosofii i psikhologii = Questions of philosophy and psychology.* 1897;(4). (In Russ.)
20. Pokrovsky I. A. Abstract and a specific subject of civil law. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of civil law.* 1913;(4). (In Russ.)
21. Pavlov I.P. Lectures on the mind in general, the Russian mind in particular. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of the practical psychology of education.* 2009; 2, 3. (In Russ.)
22. Dzamikhov K. F. "Declaration of Circassian Independence": to the reconstruction of the event basis. To the formulation of the problem. In: *The right of Caucasian civilization: the origins, features, world significance (to the 150th anniversary of the end of the Caucasian war).* Rostov-on-Don: Altair LLC; 2015:47-73. (In Russ.)
23. Spencer E. *Journey to Cherkessia.* Майкоп; 1994. (In Russ.)
24. Bhazhnokov B. Kh. Adygian civilization: concept, origins, main components. In: *Law of Caucasian civilization.* No. 1. Rostov-on-Don – Nalchik; 2014:75–206. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. Ю. Шапсугов – заслуженный юрист РФ, докт. юрид. наук, проф., директор центра правовых исследований, научный руководитель школы правового мышления ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. Yu. Shapsugov – Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Lawyer Sciences, Professor, Director of the Center for Legal Research, Supervisor of the School of Legal Thinking of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 03.07.2022; одобрена после рецензирования 24.07.2022; принята к публикации 25.07.2022.
The article was submitted 03.07.2022; approved after reviewing 24.07.2022; accepted for publication 25.07.2022.